

Швец А. Б.

ФЕНОМЕН СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

Современный этап развития постсоветских государств свидетельствует о том, что в них сформировалась устойчивая тенденция к преодолению дезорганизации в обществе. При этом дезорганизация трактуется философией и политологией постсоветизма как абсолютное социальное зло, что отражает лишь часть содержания этой категории и упрощает процесс ее познания.

Под дезорганизацией часто понимают некое статичное состояние в различных системах общества. Социальная дезорганизация, располагая некоторой долей инерционной статики, представляет скорее динамику исторических контекстов, в которых осуществляются властные функции государства. Под властной функцией государства следует иметь в виду его способность удерживать в подчиненном состоянии территорию с характерными формами организации народной жизни на ней.

Различные культуры рожают неповторимые варианты дезорганизации. По мнению российского философа А.С. Ахиезера, западная культура решает дезорганизуящие общество проблемы посредством разработки такой программы, которая увеличивает потенциал выживаемости западного общества, а советское и постсоветские государства чаще формируют не преобразовательную, но адаптационную программу сокращения хаоса и дезорганизации [5, с. 179-180]. Чтобы адаптировать общество к хаосу, в советском государстве применялось насилие, «красный террор», ставший инструментом сохранения культурного ядра государства, достигшего разрушительной фазы дезорганизации. Причем массовый государственный террор, по мнению философа, направлен в обществе советского типа не на определенную политическую или этническую группу, но потенциально на каждого человека без исключения. Виновны все! Этот своеобразный слоган был неотъемлемой частью культуры взаимоотношений человека и советского государства.

Советский вариант дезорганизации, замешанный на прямом насилии, снижал уровень эффективности общественных процессов, а следовательно, выживаемости общества в целом. В противном случае мощная континентальная держава, которой был Советский Союз, не распалась бы так скоротечно. В советском обществе мифическими оказались культурные скрепы, или интеграторы, в частности так называемый «единый советский народ». Но эта мифологема была оправдана необходимостью удержания в состоянии подчиненного равновесия огромной и очень пестрой этнически территории Советского Союза.

Дезорганизация постсоветского общества лишена явных форм насилия. Однако насилие как инструмент организации властного пространства сохраняется в постсоветском обществе в неявных формах зависимости отдельного человека от непредсказуемости поведения власти. Эта разновидность насилия поддерживается «информационным террором», то есть такой стратегией информационной политики государства, которая не позволяет человеку определить смысл окружающих его событий, делает эти события похожими на мозаику, хаотичное нагромождение фактов. Постсоветское общество, в отличие от советского, лишено культурных интеграторов, даже мифических. В нем формируется некое усредненное представление о человеческих ценностях. Причем эти ценности выхватываются то из православной, то из протестантской этики. Их невероятные переплетения формируют канву так называемой отечественной демократии.

В постсоветском обществе дезорганизация приобретает различные формы. Частной формой дезорганизации можно считать конфликт или столкновение сторон. Пространственные и сущностные границы постсоветских конфликтов различаются по горизонтали и вертикали.

По горизонтали постсоветские конфликты подразделяются на субъектные (конфликт с собственным Я), межличностные и корпоративные. Вертикальная стратификация конфликтов предполагает их отнесение к региональным или локальным.

Если последствия конфликта затрагивают все общественные группы, то его принято считать социальным, значимым для общества в целом. Такие конфликты, с одной стороны, снижают способность общества к выживанию, но с другой – поддерживают в нем тонус поиска конструктивного разрешения противоречий. В зависимости от логики разрешения конфликтов их можно подразделить на консенсусные (согласительные), т.е. протекающие на таком культурном основании, которое предполагает возможность конструктивного преодоления противоречий у конфликтующих сторон. Иной разновидностью социальных конфликтов являются раскольные. Раскол предполагает максимальное дистанцирование конфликтующих сторон, непримиримость их позиций, разрушительность для общества последствий такого конфликта. Это гипертрофированная разновидность конфликта, малоизученная на микроуровне. По мнению А. С. Ахиезера, раскол составляет специфическое содержание российских конфликтов [5].

Таким образом, социокультурная конфликтность – это своеобразная реакция общества на критическое состояние дезорганизации. Логика разрешения социокультурных конфликтов зависит от специфики народной культуры, ее представлений о ценности человеческой жизни, функциях власти, способах отвечать на вызовы истории. В этом контексте общественные конфликты приобретают характер феномена культуры конкретной страны. Сменив в октябре 1917 года культурную программу, основанную на христианских заповедях о прощении врагов и любви к ближнему, предпочтя этой программе массовый атеизм, Россия создала прецедент легкой приживаемости «красного террора». Но в 1991 году бывший советский народ окончательно распрощался с культурной программой массового неверия, сделав решительный шаг к возрождению богословской эклектики и господству террора информационного. В славянских государствах СНГ на православную духовную почву усиленно прививается протестантская этика индивидуализма, бережливости, торгашества и ростовщичества.

Социокультурная конфликтность – явление инвариантное общественным процессам. Она составляет их своеобразный фон и построена на основе дуального характера нравственности. Социокультурная конфликтность создается бесконечной борьбой Добра и Зла – этих естественных противоположностей нравственного контекста социума. Религия мифологизирует процесс борьбы доброго и злого начал, превращает его в предмет веры, а не рационального осмысления. Недаром в богословской практике канонизируется жизне святых и великомучеников, иными словами, прославляется процесс движения их индивидуальных судеб. Атеизм мифологизирует не процесс, а результат борьбы доброго и злого начал, победу света разума над тьмою религиозных догматов. Для атеизма верующий человек ущербен, он результирует абсолютную победу Зла, а неверующий сохраняет ореол рационального, т.е. постигаемого разумом, Добра.

Постсоветское общество в славянском ареале СНГ находится в поиске новой культурно-нравственной программы. Пока не очень ясно, что в этом обществе будет отнесено к Добру и Злу, какая идея объединит различные общественные слои. Можно лишь предполагать, что поиск культурных интеграторов ведется по трем линиям: религиозно-этической, этнической, универсалистской. Первая и вторая линии интегрирования общества на основе религиозных и этнических ценностей внутренне конфликтны, поскольку религиозные предпочтения раздроблены непримиримостью конфессий, а этнические ценности вырастают из оппозиционной связки «свои-чужие». Универсалистские культурные ценности – это попытка примирить религиозную и этническую этику в постсоветских странах. Эта разновидность ценностных ориентаций представляет собой информационную экспансию западной культуры в постсоветское общество. В литературе внедрение западной культуры нередко именуют «диалогом

культур». Эта смысловая уловка пытается скрыть конфликтный характер западного внедрения, поскольку диалог оставляет место для выбора либо западных, либо отечественных стереотипов культуры, а экспансия расширяет сферу господства лишь одной стороны.

«Информационные культурные стереотипы, внешне основанные на демократических принципах, не содержат идеологических элементов ни одной религии, но игнорируют и фундаментальные исторические корни, и черты экономического развития отдельных стран», - отмечает аргентинский экономист и философ К. Соломон [8, с.108]. Следовательно, западные ценностные ориентиры могут считаться универсальными лишь в том смысле, что универсально нивелируют историческую и экономическую специфику стран и регионов. Их внедрение происходит как распространение моделей общественного устройства, экономической деятельности, потребления товаров и услуг, отдыха, развлечений и др.

Идея гражданского общества представляет один из вариантов модельной экспансии западной культуры. В случае с гражданским обществом в постсоветских странах укореняется представление о том, что власть в государстве может быть организована как баланс интересов различных общественных групп. Гражданское общество вырабатывает эффективный механизм контроля за властью. Сбалансированность общественных интересов и подконтрольность власти является, по мнению сторонников идеи гражданского общества, залогом его низкой конфликтности.

В основе представлений о гражданском обществе легко обнаружить идею европейского Просвещения о том, что любые общественные пороки искореняются просветительскими усилиями. Просветительством пытаются искоренить такую общественную патологию, как конфликты. Но ведь мы отмечали, что конфликт, кроме отрицательной, дезорганизующей функции, имеет характер общественного катарсиса. Рафинированно-бесконфликтное общество ущербно, в нем нарастает самоуспокоенность, переходящая в самонадеянность и самодовольство.

Хрестоматийным примером эволюции государственной самодостаточности в беспринципное самодовольство станут, очевидно США, пережившие атаку воздушных террористов в сентябре 2001 года. Завершив эпоху противостояния с коммунизмом, США вступили в полосу бесконфликтного существования, где идеологический антагонист отсутствует или прочерчен неявно. В этой ситуации экономическая и культурная автаркия страны стала самодавяющим фактором американского общества. Оно уверовало в свою стабильность и надежность всех общественных систем. В результате этой самоуверенности родилась общественная установка, которую можно назвать, воспользовавшись термином нидерландского философа Яна Феннема, «культурой ошибочных уверенностей».

Истоки культуры «ошибочных уверенностей» - в кальвинистской идеологии англосаксонских пуритан, составивших основу культурного ядра США. Эта идеология, отмечает Н. Нарочницкая, родила в свое время доктрину «божественного предопределения», самодовольной веры США в свою богоизбранность, в то, что эту богоизбранность подтверждает земной успех и богатство страны [7]. В дни общенационального траура по погибшим под обломками Всемирного торгового центра в США появилось обращение National Review Editors Internet 17.9.01 г., в котором еще раз подтверждается приверженность американцев культурной программе «ошибочных

уверенностей»: «Соединенные Штаты стали мишенью, потому что мы есть могущество, богатство и добро... Подобно римским храмам, разграбляемым варварами, наши центры и тотемы возбуждают страх и гнев у тех в мире, которые себя ощущают ничтожествами... Соединенные Штаты со всеми своими грехами и несовершенствами все равно есть то лучшее, что этот мир способен представить...» [см. там же]

Культурная программа «ошибочных уверенностей» родилась в недрах американского гражданского общества потребления. Она стала, по сути, доказательством ущербности этого общества, невозможности достижения гармонии власти и социума. Власть в американском гражданском обществе не обеспечила безопасность американцев и продолжает уменьшать эту безопасность, «наказывая» талибов в Афганистане. Ведь агрессивная самозащита, которую демонстрируют США в войне с терроризмом, порождает ответную реакцию вооруженного сопротивления этнических, религиозных и криминальных групп по всему миру и на территории США. Это путь к дезорганизованности на глобальном и внутристрановом уровне. А дезорганизованность снижает потенциал выживаемости общества, американского в том числе.

Любопытно заметить, что движение к дезорганизованности странным образом сближает американское и постсоветское общества. У них появляются общие приметы общественного устройства, которое М. Волошин назвал в свое время «обществом взрыва». Одна из таких примет – снижение самостоятельности средств массовой информации. Дозируется телеинформация о войне в Афганистане, объясняются все поступки представителей властной элиты, вплоть до неосторожного поедания бублика американским президентом или анекдотической привязанности к пуделям у президента России. Причина движения американского и постсоветского обществ к взрывному характеру общественных связей скрыта в невозможности властной элиты найти адекватные ответы на вызовы усложняющейся реальности, что стремительно уменьшает потенциал выживаемости этих обществ.

Социокультурная конфликтность уменьшает потенциал выживаемости общества отнюдь не в сфере экономики. Обычно крах государственности в СССР объясняют экономическими причинами. Но это упрощенный взгляд. Ведь не секрет, что до 1988 года (когда начались радикальные реформы) в СССР поддерживался ежегодный прирост ВВП в 3,5% [6, с. 303]. Технология нарастания дезорганизации в СССР отработывалась, по мнению российского политолога С. Кара-Мурзы, не в экономической, а в интеллектуальной среде традиций обязательного среди интеллигенции инакомыслия. К 1991 г. официальная власть в СССР фактически легализовала эту традицию, разрешив открыто издавать литературные труды вчерашних инакомыслящих. В. Ерофеев, один из авторов скандально известного литературного альманаха «Метрополь», сравнивал появление этого произведения еще в советском обществе с «дьявольским планом» или «рентгеном, просветившим все общество» и показавшим, как идти против течения, сопротивляясь власти [4, с. 53].

Среди различных аспектов изучения социокультурной конфликтности наименее разработан географический, позволяющий изучить пространство конфликта. Социокультурная конфликтность остается пока приоритетной сферой политологов, философов, социологов. Географы исследуют феномен социокультурной конфликтности аспектно, по основным причинам возникновения конфликтных ситуаций в геополитике, экологии, экономике, этноконфессиональной сфере [1; 2; 3 и др.]. А между тем географический, или пространственный, подход к изучению социокультурной конфликтности может представить этот феномен интегративно, в совокупности причин и следствий.

Пространственный взгляд на социокультурную конфликтность можно представить как процесс обнаружения специфической, зависящей от конкретного региона или страны программы выживаемости общества.

Советское общество имело, например, программу выживаемости в пространственной форме «локальных миров», а постсоветское пытается осилить переход к «большому обществу» [5]. «Локальный мир» строится на господстве эмоциональной связи между людьми, организованными в общины рурального или урбанистического характера. В «большом обществе» люди разделены громадными пространствами и в прямом, и в эмоциональном смыслах. Это общество предельно урбанизировано, построено на рациональных связях.

как выявить смену программ выживаемости общества? Необходимо отследить в нем эволюцию связок дуальной оппозиции. Связки дуальной оппозиции – это оформившиеся линии противостояния между чем-то и чем-то. Дуальные оппозиции не всегда имеют пространственную выраженность, например, затруднительно проследить пространственный рисунок абстрактного Добра и Зла, а вот актуализированные как благотворительность и преступность Добро и Зло вполне пространственны.

Для выявления пространства социокультурной конфликтности имеет смысл рассматривать дуальные оппозиции в трех общественных сферах конкретной страны: сфере власти (церковь-государство, центр-периферия, унитарность-федерализм); сфере духа (религиозность-атеизм, этничность-национализм); сфере деятельности (глобализация-автаркия, рурализация-урбанизация, национализация-приватизация). Конечно, это неполный перечень связок дуальной оппозиции в обществе, но и феномен социокультурной конфликтности не имеет конечной точки познания.

Подведем итог. Социокультурная конфликтность составляет инвариантное содержание общества любого типа. Ее исследование предполагает познание таких категорий, как дезорганизация и выживаемость общества. Формируя программу выживаемости, общество задает логику развития социокультурной конфликтности – консенсусную или раскольную. Своеобразие феномена социокультурной конфликтности – в ее многоаспектном изучении. Пространственный аспект социокультурной конфликтности создает возможность нового взгляда на этот феномен. Появляется реальная перспектива создания концептуальных контуров географической конфликтологии.

Литература

1. Гладкий И. Ю., Гладкий Ю. Н. Географические подходы к исследованию этнических кризисов. // Изв. Русского геогр. об-ва. - 1995. - Т. 127. - Вып. 1. – С. 28-33.
2. Дергачев В. А. Евразийские рубежи войны и мира. – Одесса: Судоходство, 1996. – С. 10-20.
3. Дергачев В. А. Раскаленные рубежи. – Одесса: Астропринт, 1998. – С. 8.
4. Ерофеев В. Десять лет спустя. // Метрополь: Литературный альманах. – М.: Текст, 1991. – 667 с.
5. Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 304 с.
6. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000. – 713 с.
7. Нарочницкая Н. Война с терроризмом или вызов миру? // <http://www.pravoslavie.analitika-ru>. 01.10.2001.
8. Соломон К. М. Культурная экспансия и экономическая глобализация. // Мэ и МО. – 2000. - № 1. - С. 105-115.